В зла́тых риза́х не пуска́ют, кто́ в серма́яги, то́й возваный,
Козло́в смра́дных отганя́ют, ти́хия емлю́т бара́ны.

17

Оле, зри́ лице́ стра́шное, одея́ние лю́тое,
Доныне неви́данное, мра́ка сме́ртна страшне́йшое.
Иду́т сыно́ве щасли́ви, с радо́стию в жи́знь вѣ́чную,
А отцове нещасливи и́дут во тьму́ кромешну́ю.

18

Па́ки отец в небо и́дет, сына зла́го во а́д отда́ет.
Му́ж яко зве́зда яснѣет, жена́ с козлы́ пребыва́ет.
Про́тивне жена́ с звѣзда́ми, му́ж стои́т между́ козла́ми,
Розво́ду с горьки́ми слеза́ми твори́тся между́ супругами.

19

Сродни́к не причита́ется сла́вным никогда́ сродико́м,
Бра́т с сестро́ю не де́лится отчи́нами вове́к вѣко́м.
То́ же сестра́ сле́з братерных и се́стр свои́х не слуша́ет,
З сле́з по́ смерти проли́ваных сме́х и гне́в святы́м быва́ет.

20

Ви́дя розде́л между́ собо́ю, добри́и и лукави́и
Покло́нятся пред суди́ею, к сла́ве ве́чней избра́ннии,
Грехотво́рцы, увы́, го́ре, го́ре, на́м заре́вут.
Пра́ведники по́йдут в го́ре, внизу́ грешни́ки остану́т.

21

Едва́ одно сло́во рече́т судия́ в гне́ве я́рости —
От стра́ха ми́р затрепещет, задрожи́т от жестоко́сти. л. 352
Иулий царь мече́м сла́вний, с Юлиа́ном розбача́ют
И свет в он де́нь опа́сный, а гре́шники что дѣла́ют.

22

Но су́дия обнадежи́т, святы́х свои́х в усумне́нии.
Сло́во ласка́во испусти́х о и́х вечно́м спасе́нии.
К то́му в небе показу́ет обеща́нным ра́дости,
Кото́рых им завиду́ет по́слан в адския́ темно́сти.

23

Посе́м вле́во посмотри́вши, на злы́х рабо́в непотре́бных,
Яко гро́м сло́во спусти́вши, твори́т указ о безбо́жных.
Чре́во[6] земли́ отвори́ся, пожри́ сердца́ ка́менныя,
Юдо́ль про́пасти стечи́теся, иди́те в му́ки вѣ́чныя.

24

Аз алка́х, вы́ пирова́ли, проси́л у ва́с ми́лостыни,
Вы́ же ми отказыва́ли, не да́ли хле́ба кроши́ны.
Но ва́ш голо́д отмѣ́нной бы́л, люде́й, что хле́б, сне́сте цѣ́ло,
Алчи ве́чно, кто́ тако жи́л, тако́ва мзда́, яко́ дѣ́ло.

---

[6] *Испр.; в ркп. ошибочно* Древо.